

Николай РАЧКОВ

«Будет сын – назови его Колей...»

Ещё раз о Великой Победе

А он для нас есть праздник
самый главный —
От южных и до северных широт.
Но кто-то на салют
Победы славной
Презрительно кривит
в усмешке рот.

«Спаси Европу?»
Вы в своём уме ли?...» —
И пишут, и кричат наперебой,
Что воевать как надо не умели.
Не так дрались.
Не так ходили в бой.

Не так умели утеплять землянки
И наступать из логова болот.
Зачем,
зачем бросались мы под танки
И всюю грудью падали на дот?

Никак не переварят нашу славу,
Вбивают в наш салют
за клином клин.
Зачем не сразу взяли мы
Варшаву?

Зачем поторопились взять
Берлин?
Да можно ль перечислить
поимённо
Всех, кто легли
под братские холмы?!

А мы целуем красные знамёна.
Враг был сильней.
Но победили мы.

Ижорский батальон

Пусть на двоих одна винтовка
И каждый на счету патрон,
Пусть взяты Тосно и Поповка, —
Вперёд, Ижорский батальон!

Снаряды всё плотней, всё ближе.
И снова враг ошеломлён:
В крови, в дыму, в болотной жиже
Стоит Ижорский батальон.

Не за рубли, не за награду,
Сдержав в груди предсмертный стон,
Стоит спиною к Ленинграду
Рабочий этот батальон!

Пушай потом, в уютном зале,
Кошунством дерзким упоён,
Прохвост кричит, что зря стояли...
Стоять, Ижорский батальон!

До сей поры врагов тревожит:
Он трижды выбит, разбомблён,
Его уж нет, да как он может
Стоять — Ижорский батальон?

Мы победили, Боже правый!
Склоните ниже шёлк знамён:
Под Клином, в траншее ржавой
Стоит Ижорский батальон.

Россия! Я молю, родная,
Не забывай в пурге времён:
Тебя, тебя обороняя,
Стоит Ижорский батальон!

От Любани до Мги

От Любани до Мги всё леса да болота
И суровый,
до блеска стальной небосвод.
От Любани до Мги погибала пехота,
Понимая, что помощь уже не придёт.

«Где шестой батальон?..
Где четвёртая рота?...»
За спиной — Ленинград.
Невозможен отход.
«Только насмерть стоять!
Только насмерть, пехота!..» —
И стоит. И уже с рубежа не сойдёт.

Гимнастёрка намокла
от крови и пота,
Израсходован в схватке
последний патрон.

Но стоять, лейтенант!
Не сдаваться, пехота!
Ты не станешь,
не станешь добычей ворон.

Кто-то тонет,
не сбросив с плеча пулемёта,
Кто-то
лёгкие выхаркнул с тинной гнилой.
Вот она, сорок первого года пехота
Меж Любаны и Мгой,
меж Любаны и Мгой.

В День Победы
ты тихо пойдёшь за ворота,
Ты услышь,
как вдали раздаются шаги.
Это без вести павшая наша пехота
От Любани до Мги, от Любани до Мги...

Проводы

«По вагонам!» —
хлестнуло по нервам.
Лица сразу — как серый свинец.
Ты от нас молодым
В сорок первом
Навсегда уезжаешь, отец.

Мама смотрит почти отрешённо,
Мама мною беременна, мной.
Эх, отец,
Из того эшелона
Никому не вернуться домой.

Ты последним усилием воли
Крикнул сквозь нарастающий гул:
«Будет сын — назови его Колей,
Будет дочь...» —
и рукою махнул.

И с разгона пошёл,
И с разгона
Эшелон в предназначенной бой.
...Добежать бы, отец, до вагона,
Хоть бы взглядом проститься с тобой.

Мой дядя

Мой дядя погиб не у Ельни.
Отважный был артиллерист.
У старой немецкой деревни
Поставлен ему обелиск.

А был он крестьянского роду.
Шли танки лавиной стальной.
От гибели целую роту
Прикрыл он наводкой прямой.

Но двадцатилетнее тело
Свинцом разорвал пулемёт.

В деревне заснеженной, белой
Никто его больше не ждёт.

Два брата под Брянском и Брестом
В простреленных касках легли.
Ждала его долго невеста,
Но годы пути развели.

Что сын не вернётся, — об этом
Не думала мать никогда.
Над тихой могилою летом
О чём-то грустит лебеда.

А дядя — и пахарь и воин —
Лежит в чуждеальной стране.
Но нет и в могиле покоя,
В тревожной не спит тишине.

Ведь если на Рейне, на Шпрее
Качнутся штйки на Восток,
То встанет его батарея,
С шинелей сметая песок.

И вновь, захлебнувшись от крови,
Прорежется голос в эфир:
«Держитесь!
Я здесь.
Я прикрою
Прямую наводкою мир».

О, люди!
Всё явственной войны
Грохочут ракетным огнём.
Чтоб мёртвые спали спокойно,
Давайте вражду проклянём.
И вспомним, что все мы —
лишь дети
Земли,
помертвевшей от бед.
Пусть больше не будет на свете
Ни ваших, ни наших побед.

Любка

До войны она была Любушкой,
Любовой.
Только муж её горел в танке
под Варшавой.

Любушкой была вчера,
нынче стала Любкой.
Вон как улицу метёт
расклеванной юбкой!

Вот пройдёт она селом, жаркая,
как печка,
Крякнет не один мужик,
аж привстав с крылечка.

А уж если подмигнёт,
подпоёт немножко, —

И пойдёт за ней, пойдёт,
бросив всех, гармошка.

Знает только ночь темна,
знают незабудки,
Отчего всех веселей
кофточка у Любки.

Сев ли, жатва, сенокос —
только бы жива бы:
Всё горит в её руках —
догоняйте, бабы!

Не один ей говорил во широком поле:
«Любка, замуж за меня выходи ты,
что ли...»

Но она качнётся вдруг
тоненьким росточком:
«Ну вас всех...» — и вслед махнёт
ситцевым платочком.

Так одна, всю жизнь одна...
Прочь поди, досада!
Хоть красива, хоть бедна —
никого не надо.

Помирала — никому Любка не мешала,
К сердцу мужа своего
карточку прижала.

Был он всеми позабыт, молодой,
в шинели,
И его из мёртвых рук
вынуть не сумели.

Пальцев худеньких никак
не пораспрямили...
Ветер, ветер, ты поплачь на её могиле.

Спасибо вам, отцы и деды,
Я пью опять за вас вино,
Опять смотрю ко Дню Победы
Документальное кино.

О, эти песни,
Эти марши
Тех пепельно-красных лет!
О, эти роты, взводы наши
В дни отступлений и побед!

Солдат измученные спины,
Глаза страдальческие вдов,
И гарь, и страшные руины
И деревень, и городов.

Вдохотенная девочка седеа
Бредёт одна по большаку...
И если я почти рыдаю,
То каково фронтовикам?..

Диана КАН

Звездюкая юность моя...

«...Морская канула в моря...»
Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят:
«Марина, Вы не правы!»
Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская —
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть,
чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай,
прикамское приволье!
Но это горе — всё же не горе,
Лирическое своеволие!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! —
Волгу
За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизречённые напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

Причёска «Полюби меня, Гагарин!»
Поплиновые платочки в горюх...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слёзы
Предательски герзаемой страны,
Ни мужские похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны.

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты — чёрт бы их побрал! —
Отнять не властен этот день единый,
Который — был!

И самым звёздным стал!
Когда, лучшая улыбочивостью кроткой,
От знойных взглядов
заслонясь рукой,
Они слетались
к оренбургской «лётке»,
Благоухая «Красною Москвою».

Слетались, словно птички-невелички.
О чём-то щебетали меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант —
то сокол-парень!
Крыльцатам помогает Оренбург.
Ах, кабы знать,
какой из них Гагарин?

Он сам тебя узнает среди подруг!
Спешат девчата
к оренбургской «лётке»...
И пусть не всем сегодня повезло —
Не вышли на свиданье
парни-«слётки»,
Поставленные крепко на крыло.

А, может, и не выйдут...
Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир,
как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну, а я бегу, считая метры
До того, что незначай сбилось.

Зонт мой нераскрывшийся,
что дальше?

Я не пожалю ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший,
ну и как ты?
Не печалься, что прошевелил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня прости!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро —
Прихвостень, бродяга и прохвост!

...На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-нелучайным
вслед,
Ты дожидись меня на перекрёстке,
Долгожданной мой зелёный свет!

Нынче и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила князю?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

С чувством меня научившие,
столком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милье, впрядь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть
форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И —
рассчитались со мною сторидей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавленная хищная птица —
Азия, песня моя!

Пуглив и странен,
Диковат и тих,
До времени
державшийся в стороне,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребёнка.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос... Моей родиной!
И сколько пролил безутешных слёз,
Покуда мать фланировала мимо!

Переживая бедствие моих
Лирических
любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих —
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Напрасный труд —
надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что матерная ласка — сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?..
Тишина

В ответ звучит заносчиво и звонко.

Что ты смотришь
с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?
Ну, рассмейся в лицо мне —
не мешкай! —
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звёзды-глаза.

Всем ты в радость
и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда —
Это зеркало явно не льстит!

Разбивая покорённые души.
Рот змеиной усмешкой улыжь...
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассып!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,
И смешки, и словечки, что скоро —
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..
Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженьи цветов белопенных
Ты покуда — никто и ничья,
Сколь заглядыва —
столь же мгновенна,
Звездюкая юность моя!

Велика кобыла — воду возит...
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет — сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомнит, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И нежное забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суетясь попутно у печи?
Так, мол, вышло — народились дети.
Ну, а муж? Ищи его — свищи!

Да, была беспечна... Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она — родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхла стогорча порой,
Всё же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну, а ты, хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось...
...И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слёз.

Собирай, зима, котомку
Ледяных напрасных слёз!
Трясогузка-ледоломку
На хвосте журавль принёс.

И, верна своей привычке
Быть первейшей в деле том,
Эта птичка-невеличка
Разбивает лёд восток.

В поднебесье не летает,
Но усерднее
Лёд, сковавший сердце, стает
И стечёт в небытнй.

Припасла для всех подарки,
Несмотря на суету —
Юной яблоньке-дикарке —
Подвечную фату.

Речке-старнице — свиданье
Со стремниной молодой.
Иве-брошенке — страдания
Над высокою водой.

Снежной бабе-несложёнке
Солнечной любви оскал...
...Всё, что мне,
дрянной девчонке,
Ты когда-то обещал.